

Далее автор описывает все вежливости, которые были сделаны взаимно Ричардом и Саладином; Ричард беспрестанно посылал в лагерь мусульман с каким-нибудь подарком или просьбой прислать ему фруктов, снегу и т. п., что было ему доставляемо; но автор подозревает христиан в намерении разведать при этом расположение лагеря и выждать время, потому что приступы продолжались по-прежнему, и 1 июля христиане так стеснили осажденных, что только ночь помешала им овладеть городом, а диверсия, сделанная Саладином, не удалась.

В этот день (1 июля) было страшное дело: султан скакал на коне по рядам войска, подобно львице, потерявшей свое детище, и кричал «Мусульмане, мусульмане!» с глазами, полными слез. Каждый раз, когда его взоры обращались к городу, он живо себе представлял страдания осажденных; он думал о бедствиях, претерпеваемых воинами; при этой мысли в нем вспыхивал жар, и он возобновлял битву. Весь день он провел без пищи и принял только предписанное медиком питье. Я также не мог устоять против такого угнетения и, оставив султана, удалился в палатку, на холме Айядия, откуда можно было видеть все. Сражение прекратилось только ночью.

В это время мы получили от осажденных следующее письмо: «Мы дошли до последней крайности, мы не в состоянии больше держаться; завтра, 8 джумади (2 июля), если вы не явитесь к нам на помощь, мы вступим в переговоры для спасения жизни и оставим город; мы позаботимся о сохранении своей головы». Это известие было самое плачевное; мы были глубоко огорчены. В Акре находились в то время отборные воины Палестины, Сирии и Египта и всех стран мусульманских; там служили храбрейшие из эмиров и знаменитейшие герои исламизма. При чтении того письма султан испытал такую печаль, какой ему еще не случалось; боялись даже за его жизнь, и между тем он не переставал славословить Бога и терпеливо перепосить все. Ввиду такой опасности он предписал для отвлечения неприятеля от города напасть на его лагерь. С рассветом дня ударили тре-

вогу; вся армия взялась за оружие, конница и пехота, и мусульмане поплы на приступ; но султан имел небольшой успех. Часть христианской пехоты засела в укреплениях, крепких как стена, и невозможно было дойти до нее. Я слышал от одного, которому удалось пробраться в самый лагерь неприятелей, как он видел какого-то христианина, стоявшего на высоте укреплений; подле него стояли люди, подававшие ему стрелы и камни, которыми он отражал мусульман; твердость его была необычайная; пораженный болес полусогнутой стрелой и камнем, он не попятился ни на шаг; мы избавились от него, обдав его из горшка нефтью, и он сгорел до тла. Другой уверял меня, что видел, как женщина дралась заодно с мужчинами. Бой длился до ночи.

Вслед затем автор говорит о новых переговорах; Саладин согласился сдать город, кроме гарнизона, и возратить животворящий крест; но христиане требовали всей Палестины, и султан решился на новый приступ.

После неудачных переговоров Саладин вознамерился попытаться еще раз, созвал свой совет, изложил ему плачевное состояние города и предложил возобновить битву. Мнения были различны; но пока они рассуждали, на степях города появилось страшные крики со стороны христиан. Был полдень (17 июля 1191 г.). Мусульмане оказались пораженными и на несколько времени ими овладел ужас; казалось, они потеряли рассудок; но затем раздался плач и рыдания; сердце каждого разделяло общее горе по мере веры его и набожности; по духу своей религии мусульмане были удручены этой потерей. Я находился в эту минуту подле Саладина; он был поражен, как мать, утратившая свое детище, и горько плакал; я утешал его сообразно обстоятельствам и говорил, что теперь лучше будет думать о спасении Иерусалима и Палестины.

История жизни Саладина.